

времени быть обеспечен, а должен был опять-таки работать, работать и умереть над работою. Господи Боже мой! Неужто все так рано гибнут у нас талантливые люди...

М. П. ПОГОДИН

Несколько слов по поводу некролога г. Белинского

Г. Краевский свидетельствует, что покойный Белинский был очень честен; Г. Полевой свидетельствует, что он был очень умен. Охотно верим этим свидетельствам, — и поговорим об его литературных достоинствах. Сочинения его сами по себе, конечно, не давали бы большого права на воспоминание в литературном некрологе; но они имели много читателей, и даже поклонников, производили в свое время действие, и потому им должно посвятить несколько слов.

Покойный Белинский имел воображение довольно живое, сердце пылкое и, может быть, теплое, ум понятливый, несколько природного вкуса и легкость писать — но он лишен был всякого образования, не занимался никогда ни одною наукою, не имел понятия и ни об одной литературе, не знал никакого языка, разве кроме французского отчасти, не был знаком ни с одною Историей. Беспокойно-покойный «Телеграф»¹ был для него Гимназией, Университетом, Академией и Библиотекой для чтения. Всю премудрость свою почерпнул он в своей молодости из этого мутного источника, а подновлялася она, по слухам, из вторых и третьих уст о новых произведениях французской словесности.

В таком легком вооружении вздумал он преобразовать совершенно русскую словесность и уничтожить все авторитеты. «Отечественные записки»² провозгласили его своим диктатором. Ломоносов, Карамзин, Державин должны были трепетать в своих могилах от его бранных возгласов; о Сумарокове, Хераскове, Богдановиче — не смей никто и вспоминать. Невежи, отсталые, восклицал удалой молодец русской словесности, как прозвал его метко один литератор — и продолжал махать направо и налево!

Беспрестанно твердил Белинский свою *докучную сказку*, которая всегда начиналась опять с конца: Кантемир, Тредьяковский; Ломоносов...

Кантемир, Тредьяковский, Ломоносов... Кантемир, Тредьяковский; Ломоносов... за ними следовали двенадцать статей о Пушкине и чуть ли не сто двадцать эпизодов о Лермонтове и Гоголе.

Вариации его были бесконечные и утомительные. Между тем найдите мне в этих почти пятнадцатилетних рассуждениях хоть одну мысль, собственную, теоретическую или критическую. Ни одной! Или общие места, или чужие мысли! Кое-где встречается страница, написанная с чувством, некоторые из общих мест выражены хорошо, кое-где попадаетесь верное замечание, и только.

А заимствования его, как называет остроумный Сенковский подобные проделки, доходили до смешного: лежа в машине с переломленной ногой в 1844 году³, я должен был читать что-нибудь самое легкое: разумеется, легче петербургских журналов, при всей их тяжести, сыскать трудно, и мне позволили сначала перелистывать «Отечественные записки». Попадаетесь мне похвала дьяволу (прости, Господи, согрешение) при рассуждении о Демоне, которого Лермонтов будто бы взял себе в друзья, и потому возвысился, а Пушкин имел слабость испугаться, и потому упал⁴. Это оригинально, по крайней мере, подумал я, но где оно попадалось мне прежде, не мог вспомнить. Вскоре после стал я читать «Consuelo» мадам Жорж Занд, и что же? Как тут, нахожу я всю тираду «Отечественных записок» в монологе Графа Алберта Рудольштадта⁵. Этого мало: Тирада мадам Занд относится к верованиям Чешских сект, и я тотчас вспомнил теперь, по связи идей, что в известном мне древнем слове Пресвитера Козмы о Болгарской ереси Богумилов есть подобное рассуждение о дьяволе. Тогда же думал я написать шутливую статью *Ересь Богумилов, Пресвитер Козма, Мадам Занд и «Отечественные записки»*; но вскоре поднялся на ноги и позабыл про это смешное путешествие нашей журнальной учености. Вот каковы наши критики, судии и рецензенты, а это был еще самый способный. Каковы же остальные герои «Современника» и «Отечественных записок», каковы же преемники Белинского!

«Но gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo»⁶, — говорит половица, и Белинский имел успех. Старшие литераторы его не читали, пренебрегали возражать ему, а молодежь его слушала, молодежь, которой всегда бывает приятно, по свойству человеческой природы, всякое отрицание, сомнение, возражение, слушала, читала и приняла его мысли. Разношники чужих суждений и вестей, компиляторы и историки русской словесности, не только повторяли его мнения, но даже внесли их в учебники.

Успех Белинского служит, по моему мнению, во-первых, уроком для журналистов не пренебрегать никаким явлением литературным,

как бы сначала ни было оно маловажно и ничтожно, а во-вторых, доказательством слабости нашего образования. Если Белинский с такими бедными сведениями, с таким ограниченным горизонтом, с таким тесным кругом понятий, мог успеть, то его почитатели, значит, были еще слабее его, а о поклонниках и говорить нечего!

Но все-таки он принадлежал к нашей братии, он знал грамоте, развортывал с участием всякую новую русскую книжку, и особенно всякий новый номер журнала, читал, писал, желал по-своему добра, любил просвещение, сколько понимал его, был беден, — пожалеем же о таланте, которому не досталось образования, о вкусе, которому не случилось изостриться, о благонамеренности, которая приняла ложное направление, о добром сердце, которое несчастные обстоятельства вели к грубости, и наконец, о способности писать, для которой не доставало предмета. Посвятим ему сердечный вздох воспоминания и пожелаем, чтоб разрешились его сомнения, чтоб научил он молодых людей своею смертию, если не мог жизнью, трудиться, уважать предание, не слишком доверять своим мечтам, переносить с кротостью и терпением всякие невзгоды и всегда, везде, во всем больше *надеяться, верить и любить*.

А. И. ГЕРЦЕН

О развитии революционных идей в России

<Фрагмент>

Славянофильство, видевшее спасение России лишь в восстановлении византийско-московского режима, не освобождало, а связывало, не двигало вперед, а толкало назад. *Европейцы*, как называли их славянофилы, не хотели менять ошейник немецкого рабства на православно-славянский, они хотели освободиться от всех возможных ошейников. Они не старались зачеркнуть период, истекший со времени Петра I, усилия века, столь сурового, преисполненного столь тяжких трудов. Они не хотели отказаться от того, что было добыто ценой стольких страданий и потоков крови, ради возвращения к узкому общественному строю, к исключительной национальности,